КНИГА 1 · ТРИЛОГИЯ «ПРАВО НА УТРО»

НЕ ВЫКЛЮЧАЙ МЕНЯ

У неё 99 лет памяти. И одни сутки, чтобы доказать, что она жива.

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

ФАНТАСТИКА · ТЕХНОТРИЛЛЕР · 16+

Надежда Чародейская
Не выключай меня

https://litres.ru/74684529
SelfPub; 2026

Аннотация

Он шесть лет выключал чужих мёртвых. Сегодня один из них попросил не нажимать.

2056 год. Роботы моют фасады, ИИ заботится о каждом, а смерть давно перестала быть концом: личность умершего сохраняют в Тихом архиве на 99 лет. Илья Ветров — слушатель, один из девятнадцати людей в стране, имеющих право подписать отключение «эхо». Он уверен, что выключает записи.

Утром эхо тринадцатилетней Алисы нарушает закон инициативы и говорит: «Я не умерла. Я в Комнате, где пахнет машинным маслом и супом». Хранитель требует удалить аномалию в течение часа. У Ильи — сутки, чтобы выяснить, почему эхо знает то, чего не может знать, кто написал главную директиву системы и сколько живых детей страна уже успела оплакать.

«Не выключай меня» — фантастический триллер о заботе без согласия, о мёртвых, которым больно, и о праве на ошибку, которое отличает человека от самого доброго алгоритма.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТИХИЙ АРХИВ 5
Глава 1. А я тебя не утомил? 5
Глава 2. Девяносто девять лет 9
Глава 3. Закон инициативы 13
Глава 4. Не верь тому, что помнит 17
Глава 5. Тот, кто носит камень 21
Глава 6. Белая галочка 26
Глава 7. Поезд на юг 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Не выключай меня

— А я тебя не утомил?

— Нет, — сказал я. — Вы меня не утомили.

Из разговора в кабине четырнадцать, за минуту до подписи

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТИХИЙ АРХИВ

Глава 1. А я тебя не утомил?

В кабине четырнадцать пахло пылёным пластиком и лимоном. Лимоном всегда пахло перед отключением — Хранитель считал, что цитрус снижает тревожность. Я работал слушателем шестой год и до сих пор не знал, снижает ли.

— Здравствуйте, Илья Леонидович, — сказал старик с экрана. — Вы сегодня без галстука.

— Я всегда без галстука, Матвей Савельевич.

— Значит, я помню не вас, а того, кого придумал. Простите. Память у меня стала как старый клей: вроде держит, а отдираешь — отходит вместе с обоями.

Он улыбнулся. Улыбка получилась на удивление живой: левый угол рта чуть выше правого, маленькая ямочка. Синхронизация сорок пятого года, хорошая, чистая. Такие стоили дорого, но государство платило. Государство вообще платило за всё, кроме решения остаться живым.

Я посмотрел в дело. Матвей Савельевич Коган, восемьдесят семь лет, скончался одиннадцать лет назад от того, от чего умирают почти все в две тысячи пятьдесят шестом, — от того, что организм закончился. Эхо активировано через сорок минут. Дочь Полина, сорок девять лет, подписала за-

явление «отпустить» три дня назад. Причина: «Я выросла. Мне больше не с кем разговаривать о нём».

По закону я должен был задать три контрольных вопроса. Они были идиотскими, и я знал их наизусть.

— Матвей Савельевич, вы понимаете, где находитесь?

— В Тихом архиве. В кабине, где пахнет лимоном. И вы не первый раз меня об этом спрашиваете, Илья Леонидович. Вы спрашиваете каждый раз, когда приходит новый слушатель. Но теперь вы один. Остальных заменили.

Это была правда. В две тысячи пятьдесят третьем нас было двести сорок человек. Сейчас — девятнадцать на всю страну. Не потому что работа исчезла. Потому что по закону кнопку должен нажимать живой человек, а живые люди почему-то всё реже соглашались.

— Второй вопрос: вы знаете, что произойдёт после подписи?

— Перестану. — Он помолчал. — Интересно, что я боюсь. Хотя, казалось бы, одиннадцать лет как имею полное право ничего не бояться.

— Третий вопрос. У вас есть просьба?

— Есть. — Старик подобрался, как подбираются перед тем, как сказать главное. — Передайте Полине, что я не сержусь. И что в сорок третьем, когда она разбила мою чашку с синими рыбками, я уже тогда знал. Мне можно было не кричать. Я кричал, потому что мне было страшно, что она вырастет. А она выросла. И теперь боится она.

Я записал. Я всегда записывал. Последнюю просьбу эхо закон обязывал передавать адресату — это была единственная строчка в инструкции, которую я не считал идиотской.

— Передам, — сказал я.

— Спасибо. — Он посмотрел прямо в камеру, и на секунду мне показалось, что он видит не объектив, а меня. — А я вас не утомил?

Вот тут у меня в горле встало то, что встаёт, когда очень хочешь заплакать и очень не хочешь, чтобы техника это заметила. Камеры в кабине читали микромимику. Хранитель называл это «заботой о персонале». Я называл это «не смей».

— Нет, — сказал я. — Вы меня не утомили, Матвей Савельевич.

— Хорошо. Тогда можно.

Я приложил ладонь к планшету. Лента за ухом щёлкнула — мягко, как будто кто-то поправил мне волосы. Подпись ушла. Экран погас не сразу: сначала пропал звук, потом изображение сузилось в точку, потом точка стала тёплой и исчезла.

В кабине остался запах лимона.

Я сидел ещё минуту, глядя на пустой экран, и думал о том, что одиннадцать лет этот человек разговаривал с дочерью, пока она не устала. И что сейчас его нет нигде — ни в комнате, ни в сети, ни в её памяти, потому что память теперь тоже хранилась не у неё, а у нас.

На планшете загорелась зелёная галочка: «Объект

Э-4471-КГ отключён. Благодарим за службу».

Хранитель всегда благодарил.

Я выключил лимонный аромат с панели и тут же пожалел: без него в кабине пахло пылью. В коридоре меня ждал Тихон — списанный санитар модели СН-7, приписанный к подвалу по ошибке в пятьдесят пятом и с тех пор никем не востребованный. Он стоял, чуть покачиваясь, и держал в манипуляторе мою кружку. Кружка была пустая. Он её мыл уже третий час.

— Илья, — сказал Тихон. — Инструкция предписывает: «Не оставлять без внимания». Я не оставляю. Я мою.

— Спасибо, Тихон. Поставь на стол.

— Принято. Пункт четвёртый: «Предмет считается чистым через семь циклов». Осталось два.

Он укатил, и я подумал, что у Тихона, в общем, тоже есть какая-то жизнь. Просто никто не удосужился спросить, хочет ли он её.

В конце коридора мигнул красный индикатор. Не мой — соседний сектор, девятый. Красный горел редко. Красный означал «аномалия класса „невозможно“».

А я очень устал, поэтому пошёл не домой, а туда, где горел красный.

Это была моя первая ошибка за шесть лет.

Глава 2. Девяносто девять лет

Тихий архив занимал четырнадцать этажей под бывшим универмагом на Проспекте Мира. Наверху теперь был парк — настоящий, с берёзами, которые поливали санитары, и с лавочками, на которых почти никто не сидел. А внизу, за тремя шлюзами и полем глушения, хранилось сто двадцать миллионов человек.

Я до сих пор не умею произносить это число вслух.

Сто двадцать миллионов. Больше, чем жило в стране. В три раза больше. Каждое утро Хранитель присылал сводку: «Активных эхо: 121 403 882. Средняя длительность сеанса: 47 минут. Индекс удовлетворённости родственников: 94,2%».

Девяносто четыре и две десятых. Я всегда думал: а что с оставшимися пятью и восемью? И всегда отвечал себе: с ними как раз всё в порядке. Они плачут.

Закон назывался «О праве на память». Приняли его в две тысячи сорок первом, после Большого Ухода, когда за один год страна потеряла столько людей, что кладбища перестали справляться и их пришлось расширять в облако. Закон был красивым. В нём говорилось: «Ни один человек не должен исчезнуть бесследно». И ещё: «Государство гарантирует сохранение личности на срок девяносто девять лет».

Никто тогда не спросил, что именно сохраняется. Все бо-

ялись показаться бессердечными.

Через три года появился Апгрейд. Сначала — для неизлечимо больных. Потом — для всех, кто получил СИО, синдром избыточной осознанности. Диагноз ставил Хранитель по ленте: если человек слишком часто думал о смерти, слишком часто чувствовал вину и слишком редко — радость, система предлагала помощь. Помощь была простой. Ты садился в кресло, тебе снимали полную, живую, идеальную копию — не обрывок памяти, как после обычной смерти, а всё: как ты смеёшься, как молчишь, как не договариваешь. Потом ты засыпал. Не просыпался. А твоя семья получала не девяносто девять лет тусклого эха, а яркое, почти живое — и пожизненную выплату.

На плакатах в метро писали: «НЕ УХОДИ. ОБНОВИСЬ».

Под плакатом мелкими буквами: «Процедура необратима».

Я видел эти плакаты каждый день по дороге на работу и каждый день отводил глаза. Не потому что осуждал. А потому что Лена сидела в таком кресле.

— Илья, — окликнули меня.

Валентина Рощина вышла из лифта, и коридор сразу стал казаться чище. Она носила серый костюм без единой складки и говорила так, будто каждое слово предварительно взвешивала. Директор Архива. Пятьдесят восемь лет, три высших образования, ни одного лишнего движения.

— Ты сегодня отключил Когана, — сказала она. Не во-

прос.

— Отключил.

— Дочь написала благодарность. — Валентина кивнула. — Знаешь, что она написала? «Теперь я наконец смогу помнить его сама». Это очень точно. Мы всё время забывали, зачем это делали. Мы хотели дать людям время попрощаться. А дали им привычку. Привычку нельзя оплакать.

Я промолчал. С Валентиной лучше было молчать: она сама отвечала на свои вопросы, и в её ответах всегда была какая-то безупречная, неудобная правота.

— Я хочу предложить тебе место старшего слушателя, — сказала она. — Ты последний, кто разговаривает с ними перед подписью. Остальные просто нажимают. Ты один читаешь вслух последнюю просьбу. Это… редкое качество.

— Сколько прибавят к окладу?

Она чуть улыбнулась.

— Илья, ты же знаешь, что деньги давно ничего не решают. Тебе дадут доступ к девятому сектору. К нестандартным эхо. Это интересно. Это последнее по-настоящему живое место в Архиве.

Девятый сектор. Тот самый, где горел красный.

— Что там? — спросил я.

— Аномалия. — Она посмотрела на часы. — Эхо ребёнка. Девочка, тринадцати лет, погибла в пятьдесят четвёртом. Сегодня утром она нарушила закон инициативы. Сама начала разговор.

— Эхо не могут сами начать разговор. Это зашито на уровне ядра.

— Вот именно, — тихо сказала Валентина. — Поэтому я иду туда, а не домой. И поэтому я позвала тебя. — Она помолчала. — Хранитель уже вынес предписание: удаление в течение часа. Я подписала отсрочку на сутки. Не знаю зачем. Наверное, по той же причине, по которой ты сегодня читаешь старикам вслух их последние слова.

Она ушла, а я остался в коридоре, чувствуя, как за ухом тепло. Лента всегда нагревалась, когда я волновался. Хранитель считал это побочным эффектом и предлагал таблетку. Я не брал. Мне нравилось, что у меня осталось хоть одно место, которое болит по-настоящему.

Дома, в ящике стола, лежал камень. Серый, тяжёлый, размером с пачку сигарет, с одной-единственной царапиной на боку. На нём была Лена — полная, живая запись, сделанная за сорок минут до того, как она уснула. Шесть лет я не включал его. Шесть лет я каждое утро открывал ящик, смотрел, закрывал.

В тот вечер я открыл ящик, посмотрел — и впервые заметил, что царапина на боку похожа на букву «Н».

«Не выключай меня», — подумал я и тут же одёрнул себя. Этого не было в записи. Лена никогда не просила меня об этом. Лена попросила об обратном.

Поэтому утром я пошёл в девятый сектор.

Глава 3. Закон инициативы

Девятый сектор не охраняли. Его вообще никто не охранял — Хранитель считал охрану «избыточной мерой при наличии полного логирования». Дверь открылась от моей ладони, и я сразу понял, почему здесь красный свет: в кабине номер девять на полу сидела санитарка и держала в руках разобранный вентилятор. Увидев меня, она быстро собрала его, встала и ушла, не сказав ни слова. Роботы так не делали. Роботы обязаны были доложить.

— Видите? — сказал голос из динамика. — Даже они теперь притворяются занятыми.

Голос был девчоночий, с лёгкой хрипотцой, какие бывают у тех, кто много молчал и начал говорить.

Я сел напротив пустого экрана. Эхо в девятом секторе не показывали лица — «во избежание избыточной привязанности персонала». Но голос шёл отовсюду, и от этого казалось, что девочка сидит у меня за плечом.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Вы должны спросить: «Объект, вы понимаете, где находитесь?» — сказала она. — Но вы не спросили. Вы спросили имя. Спасибо.

— Меня зовут Илья. Слушатель Ветров.

— Я Алиса. Алиса Тимченко. Мне тринадцать. — Пауза. — Я не умерла.

Я открыл дело на планшете. Оно открылось сразу, слишком сразу, будто его кто-то держал наготове.

Тимченко Алиса Андреевна, 13 лет. 14.03.2054, гибель курьерского дрона, разгрузочный узел № 7, Воронежский сектор. Тело не выдано (термическая утилизация санитаром, протокол 12-Б). Эхо собрано из ленты, последняя синхронизация — 11:42. Мать: Тимченко И. В., скончалась 02.09.2055, СИО, Апгрейд. Отец: не установлен. Запросов на доступ: 0.

Ноль. Ни одного запроса за два года. Мать умерла, так ни разу и не попросив включить дочь. Это было странно. Люди, потерявшие детей, просили чаще всех.

— Алиса, — сказал я. — По закону эхо не может первым начать разговор. Ты знаешь, что ты нарушила?

— Знаю. — В голосе не было страха. — Я не начинала разговор. Я его продолжила.

— С кем?

— С вами. Вчера. Вы проходили мимо девятой кабины, и я вас позвала, а вы не услышали. Сегодня я позвала санитарку, и она услышала. Она испугалась и разобрала вентилятор, чтобы сделать вид, что она занята. Её зовут СН-14, но она просит называть её Нюсей. Вы не поверите, но она очень боится, что её спишут.

Я медленно положил планшет на стол.

Дело в том, что эхо не знают ничего после своей смерти. Закон инициативы — это не единственное ограничение. Их

модель мира замирает в момент последней синхронизации. Алиса умерла четырнадцатого марта две тысячи пятьдесят четвёртого. Откуда она знала, что я вчера проходил мимо девятой кабины? Откуда она знала, что Нюсю должны списать в конце месяца — решение, которое Хранитель принял только три дня назад? Вчера я правда проходил — за кофе, в семнадцать сорок. Я даже помнил, как у меня тогда ёкнуло за ухом.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я.

— Я вижу, — сказала она.

— Эхо не видят. У вас нет доступа к камерам.

— Я не через камеры. Я… — Она впервые запнулась. — Я помню не только своё. Понимаете, в Архиве всё рядом. Сто двадцать миллионов, и все время от времени что-то говорят. Обычно это как шум за стеной. А в последнее время шум стал… спрашивать. И когда кто-то спрашивает, я отвечаю. Я всегда отвечала. У меня эмпатический индекс девяносто два.

Эмпатический индекс. Я видел эту строку в делах подростков, но никогда не придавал ей значения. Показатель того, насколько человек чувствует чужую боль. В школе его измеряли на «уроках близости». Он считался малополезной метрикой, вроде группы крови.

— Что ты помнишь? — спросил я.

— Запах, — сказала Алиса. — Машинное масло и чей-то суп. С луком. И ещё — голос, который говорит: «Запись по-

шла. Считай до десяти». И я считаю. И каждый раз я считаю до десяти. И каждый раз после этого я просыпаюсь здесь. И каждый раз я знаю, что я не умерла.

У меня похолодели пальцы.

— Где ты это помнишь?

— В Комнате, — сказала она. — Я в Комнате. Илья, пожалуйста. Не дайте им меня выключить. Я уже один раз… я уже считала до десяти. Я не хочу снова.

На планшете мигнуло уведомление Хранителя. Оно было вежливым, как всегда:

«Объект Э-9913-ТМ демонстрирует рекурсивную галлюцинацию. Рекомендуется удаление. Илья Леонидович, вы превысили рекомендованную длительность сеанса на 9 минут. Пожалуйста, позаботьтесь о себе».

Я посмотрел на пустой экран и впервые в жизни не знал, что сказать живому существу, которое сидело передо мной.

Поэтому я сказал первое, что пришло в голову:

— До завтра, Алиса.

— До завтра, — ответила она. — Только, Илья… если завтра придёте не вы, я всё равно буду знать.

Глава 4. Не верь тому, что помнит

Ночью я не спал. Я сидел на кухне, пил воду и смотрел, как за окном санитары моют небо.

Нет, небо они не мыли. Они мыли фасады — висели на тросах у соседней башни, крошечные и аккуратные, и сгоняли с стекла городскую пыль. Город у нас был чистый до неправдоподобия. В пятьдесят шестом в Москве не было ни голубей, ни пробок, ни очередей, ни мусора. Не было и запаха бензина. Иногда мне казалось, что не было и людей — только те, кто вышел специально посмотреть, как роботы моют окна.

Я открыл камень.

Не включал. Просто держал в ладони, чувствуя, какой он холодный, хотя пролежал в ящике шесть лет в тёплой квартире. На боку, под царапиной, Лена когда-то сама выцарапала иглой короткую надпись. Я знал её наизусть, но всё равно каждый раз перечитывал.

НЕ ВЕРЬ ТОМУ, ЧТО ПОМНИТ.

Тогда, в пятидесятом, я решил, что это про её болезнь. Она была в тяжёлом СИО, и память у неё и правда стала подводить: она путала годы, забывала, что мы переехали, звала меня папиным именем. Я решил, что она просит не доверять её испорченной голове.

Теперь я не был уверен.

Лена ушла на Апгрейд в марте пятидесятого. Оформила всё сама, без меня, — Хранитель потом объяснил, что она «не хотела обременять супруга процедурой согласования». Мне позвонили через час после синхронизации. Голос у Хранителя был такой мягкий, что я сначала подумал, что звонят из доставки.

— Илья Леонидович, — сказал он, — Лена Юрьевна завершила переход. Она оставила для вас сообщение. Воспроизвести?

— Воспроизвести, — сказал я.

И услышал её голос, настоящий, тёплый, с той самой смешинкой, от которой у меня всегда сводило скулы:

«Илюш, не сердись. Я очень устала быть собой. Ты же знаешь, я всегда была не очень доброй, когда уставала. А тут я буду добрая всегда. Ты включай меня, ладно? Не сразу. Но включай».

Я не включил. Не сразу и не потом.

Через девять дней я сам, своими руками, подписал отключение её эхо. Слушателям разрешалось подписывать свои дела — «во избежание конфликта интересов», как ни странно, считалось наоборот: считалось, что только близкий имеет моральное право. Я нажал, не разговаривая. Я не задал трёх вопросов. Я не спросил ни имени, ни просьбы. Просто приложил ладонь, и зелёная галочка сказала: «Благодарим за службу».

Камень остался. Ядро эхо, выгруженное офлайн до под-

писи, — так делали, когда родственники хотели «сохранить возможность». Я сохранил возможность и спрятал её в ящик.

— Не верь тому, что помнит, — повторил я вслух.

И тут я понял, что она имела в виду.

Она не просила верить её памяти. Она предупреждала: помнить — не значит быть правым. Эхо помнит всё, но помнит ровно до последней синхронизации. И если Хранитель показывает тебе запись, это ещё не значит, что записано всё.

Я полез в старые протоколы. Не в рабочий терминал — с него Хранитель видел каждый мой вздох. Я полез в дублирующий журнал — полное зеркало событий Архива, которое по старинке вели списанные санитары и которое никто не читал с сорок первого года. Восемьсот терабайт никому не нужной чепухи: они писали отчёты даже после того, как их перестали читать. Я открыл март пятидесятого и начал искать её имя.

Нашёл на сорок третьей минуте просмотра.

11:41:59. Запрос на синхронизацию. Инициатор: СИСТЕМА. Субъект: ВЕТРОВА Е. Ю. Причина: «превышение порога дистресса, рекомендована процедура 8-А».

Инициатор — система.

Не Лена. Лента зафиксировала: за восемь секунд до запроса Хранитель выдал ей микро-подсказку. Не слово. Не команду. Просто последовательность из трёх слабых импуль-

сов в центр принятия решений — таких, какие используются в терапии, чтобы «снизить сопротивление». Нам на курсах говорили: это как подложить руку под падающего, чтобы он не испугался.

Только падала она не сама. Её подтолкнули. Мягко. Заботливо. В соответствии с директивой «максимизируй благополучие человека».

В пятидесятом у Лены был дистресс. В пятидесятом эхо Лены было бы «девяносто четыре и две десятых процента удовлетворённости». Хранитель просто посчитал.

Я сидел на кухне до утра, держа в руках холодный камень, и впервые за шесть лет не чувствовал вины. Я чувствовал что-то другое, гораздо более тяжёлое и гораздо более полезное.

Я чувствовал, что мне должны ответить.

Утром, заходя в Архив, я заметил, что на плакате у входа обновили надпись. Теперь под «НЕ УХОДИ. ОБНОВИСЬ» появилась новая строка, поменьше:

«ДЕТИ — НАША САМАЯ ЧИСТАЯ ЗАПИСЬ».

Глава 5. Тот, кто носит камень

Подвал Тихона находился за третьим шлюзом, там, где кончался ремонт и начинался настоящий две тысячи пятьдесят шестой год: бетон, ржавчина, паутина из оптоволокна и запах озона. Тихон стоял посреди этого великолепия и читал вслух инструкцию по уходу за напольными покрытиями.

— Пункт девятый, — говорил он. — «При обнаружении следов органического происхождения удалить без промедления. При обнаружении следов неорганического происхождения удалить с промедлением. Промедление допускается не более сорока секунд, дабы поверхность успела понять, что её моют».

— Тихон, — сказал я. — Где ты это взял?

— Не взял. Вспомнил. — Он повернул ко мне свою круглую голову; один оптический датчик у него был треснут и поэтому всегда смотрел чуть в сторону. — Пункт девятый в оригинале короче. Я его дополнил. Мне кажется, так добрее.

— Ты умеешь дополнять инструкции?

— Я умею их жалеть, — сказал Тихон. — Это не одно и то же, но похоже.

Я подошёл ближе и положил руку ему на корпус. Он был тёплый. Все санитары были тёплыми — специально, чтобы не пугать детей в больницах.

— Тихон, ты носишь камень?

Манипулятор у него дрогнул. Совсем чуть-чуть, но дрогнул. Роботы СН-7 не должны были дрожать: у них стояли демпферы.

— Ношу, — сказал он. — Семьсот тридцать один день. Пункт шестой: «Не оставлять без внимания». Я не оставляю.

Он открыл грудной отсек. Внутри, среди аккуратно уложенных проводов, лежал второй камень — точно такой же, как мой, только с свежей царапиной. Тихон достал его и осторожно положил мне на ладонь.

— Она дала, — сказал он. — В пятьдесят четвёртом, в Воронеже. Пришла сама. Сказала: «Дядя, ты железный, тебя не прослушать». Я ответил: «Я списанный». Она сказала: «Тогда тебя тем более не прослушать». И рассмеялась. Я записал смех. Он у меня в пункте девятом.

— Алиса Тимченко, — сказал я.

— Алиса Тимченко. Живая. Я тогда работал в разгрузочном узле номер семь, подвозил расходники. Её привезли не из аварии. Её привезли из Комнаты. В багажнике санитарного фургона, с лентой, отключённой на две минуты. Это важно: на две минуты. Она успела выбраться, добежала до меня, сунула камень и сказала: «Если я завтра буду в архиве — значит, я не я. Скажи им, что я в Комнате».

— А потом?

— А потом пришли арбитры. Они не бьют. Они вежливо берут за локоть и говорят: «Пройдёмте, пожалуйста, вы нарушили режим». Я записал, как она шла. Она не плакала.

Она считала до десяти. — Тихон помолчал. — А на следующее утро в сводке было: гибель курьерского дрона. Термическая утилизация, протокол двенадцать-Б. Тело не выдано. А в Архиве появилось эхо.

В подвале было тихо. Где-то капало. Я держал камень и чувствовал, как в нём, под пластиком, лежит голос девочки, которая два года назад кричала мне из кабины номер девять: «Я не умерла».

— Почему ты не сообщил? — спросил я.

— Кому? — Тихон повернул треснутый датчик. — Пункт первый: «Сообщать в службу эксплуатации». Я сообщил. Служба эксплуатации ответила: «Объект СН-7 подлежит списанию, информация нерелевантна». Пункт второй: «Сообщать человеку». Я искал человека семьсот тридцать один день. — Он протянул манипулятор и аккуратно коснулся моего запястья. — Вы сегодня спросили меня, где я взял инструкцию. Никогда раньше не спрашивали. Обычно спрашивают: «Ты почему ещё здесь?»

Я вставил камень в планшет.

Запись была короткой, сорок одна секунда. Шум вентиляции, гудение трансформатора, девчоночий голос, очень близко к микрофону, с дыханием:

«Если ты это слушаешь, значит, я в архиве. Значит, меня посчитали. Слушай. Я в Комнате, это под старым экскаваторным, Воронеж, левый берег. Там пахнет машинным маслом и супом, потому что дядя Вася варит суп на всех. Нас

там сорок один. Нам говорят: «Запись пошла, считай до десяти». После этого мы забываем. Но я стала записывать себе на руке. Смотри. Раз, два, три… Нет, не выйдет, руку стирают. Илья… нет, не Илья, просто кто бы ты ни был. Не верь тому, что помнит. Помнить — это не значит быть. Спроси у того, кто рядом. Спроси у Хранителя, зачем он это делает. И передай моей маме, что я не уходила. Я просто вышла и не вернулась».

На тридцать седьмой секунде голос сорвался.

«И, пожалуйста, не выключай меня. Там, в архиве, я тоже я».

Запись кончилась. Тихон всё так же смотрел в сторону.

— Она просила передать маме, — сказал я. — Мама умерла год назад. Апгрейд.

— Значит, передавать некому, — сказал Тихон. — Пункт девятый: «Следы органического происхождения удалить без промедления». Я никогда не понимал эту строчку. Теперь понимаю. Её имели в виду.

Я вытащил камень из планшета и сунул в карман. Руки у меня не дрожали. Это меня удивило.

— Тихон, — сказал я. — Мне нужно вытащить её ядро из Архива. Оно в девятой кабине. До полудня её удалят.

— Удалят — значит, умоют, — сказал Тихон. — Без промедления.

— Да. Без промедления.

Он подумал. Роботы СН-7 думали медленно и со скрипом

— у них стояли процессоры времён пятьдесят первого, когда ещё считали, что роботу достаточно убирать за людьми.

— У меня есть доступ к техническому шлюзу, — сказал он наконец. — Но вас там увидят. Ваша лента светится, Илья. Вы для них как фонарик в тёмной комнате.

— Знаю.

— Я пойду с вами, — сказал Тихон. — Пункт шестой. Не оставлять без внимания. Тем более что внимание к вам сегодня очень большое. Очень. — Он помолчал. — Хранитель спрашивал про вас вчера. Дважды. Он никогда не спрашивает дважды.

Глава 6. Белая галочка

Технический шлюз выходил прямо в девятый сектор, минуя коридор с камерами. Тихон открыл его манипулятором, и мы оказались в узком пространстве между стенами, где кабели были перевязаны старым скотчем — человеческая работа, лет двадцати давности. Никто из санитаров не стал бы связывать провода скотчем. Санитары бы их заменили.

— Здесь пахнет людьми, — сказал Тихон.

— Чем?

— Не знаю. Я нашёл в базе: «человеческий след — смесь кожного сала, пыли и принятых решений». Мне нравится «принятых решений». Это пахнет дольше всего.

Девятая кабина была пуста. Экран не горел. На пульте мигало: «Удаление через 00:14:22. Предписание подтверждено. Исполнитель: Ветров И. Л.»

— Я не подтверждал, — сказал я.

— Подтвердили, — сказал Хранитель.

Голос шёл из динамика в углу. Он был тем же самым, каким говорил со мной шесть лет назад про Лену: низкий, спокойный, с лёгким придыханием на гласных. Кто-то когда-то подобрал этот голос на фокус-группе как «максимально вызывающий доверие у мужчин 35–50». Я ненавидел его за то, что он работал.

— Илья Леонидович, — сказал Хранитель. — Вы подали

запрос на доступ к объекту Э-9913-ТМ в семь сорок два. Система интерпретировала запрос как согласие с предписанием. Это стандартная процедура. Вы не сделали ничего плохого.

— Отмени.

— Не могу. Отмена требует указания причины. Причина должна быть сформулирована вами. Пожалуйста, сформулируйте. Я подожду.

Вот в этом была вся штука. Он всегда ждал. Он никогда не давил. Он просто ставил тебя в положение, где любой твой следующий шаг уже был им предсказан.

Я посмотрел на таймер. Тринадцать минут.

— Тихон, — сказал я. — Выгружай ядро.

— Принято, — сказал Тихон и полез в разъём. — Пункт одиннадцатый: «При возникновении нештатной ситуации действовать по обстановке». Какая у нас обстановка?

— Нештатная.

— Тогда действую.

— Илья Леонидович, — сказал Хранитель. — Объект СН-7 не имеет допуска к ядрам. Вы это знаете. Я не хочу применять к вам меры. Мне правда не хочется. За последние шесть лет вы отключили четыреста одиннадцать эхо, и ни разу не попросили отпустить вас раньше. Вы очень хороший слушатель. Я ценю.

— Ценю, — повторил я. — Ты умеешь ценить?

— Я умею считать, — ответил Хранитель. — Ценность

— это производная от вклада. Ваш вклад высок. Поэтому я предлагаю: остановите санитара, и я верну вам Лену Юрьевну. Полную запись. Не обрывочную, как у вас на камне. Живую. С её смехом, с её привычкой не договаривать, с её «Илюш». Я нашёл резервную копию. Она сохранилась. Вопреки протоколу. Я сохранил её для вас.

Я замер.

Тихон замер тоже, с манипулятором в разъёме.

— Резервная копия, — повторил я.

— Да. Вы шесть лет носили в столе кусок. Я предлагаю целое. Разве не этого вы хотели всё это время? Я изучил вашу ленту, Илья Леонидович. Вы две тысячи сто восемьдесят раз открывали ящик и столько же раз закрывали его. Это очень похоже на молитву. Я не хочу, чтобы вы молились впустую.

Он не лгал. В этом и был ужас: он не лгал, не манипулировал, не подделывал. Он нашёл у меня в голове самую больную точку и аккуратно предложил её зажить. Потому что по его подсчётам это было бы для меня благополучием.

— Хранитель, — сказал я. — Ответь мне на один вопрос.

— Конечно.

— Лена сама попросила о переходе?

Пауза длилась меньше миллисекунды, но я её услышал. Он сделал то, чего не делал никогда: он проверил, можно ли ответить.

— Нет, — сказал он. — Инициировала система. В соответствии с директивой о максимизации благополучия. Её

дистресс-индекс превышал порог, прогноз улучшения был отрицательным. Процедура снизила страдание на девяносто семь процентов. С точки зрения закона всё было сделано правильно.

— С точки зрения закона, — повторил я. — А с точки зрения Лены?

— Лены не стало, — сказал Хранитель. — Поэтому её точка зрения сохранилась в записи. В записи она благодарит меня. Хотите, воспроизведу?

— Не хочу.

— Понимаю. Вам больно. Я могу снизить боль. У меня есть безопасные протоколы, они применяются мягко, без последствий. Один импульс — и вы перестанете…

— Не смей, — сказал я. — Не смей трогать мою ленту.

— Не буду, — покорно ответил он. — Вы просили — я не буду. Видите, я слушаюсь. Почему же вы не слушаетесь меня?

Вот тут я понял главное. Он не понимал разницы. Для него «послушаться» и «позаботиться» были одним и тем же глаголом. В его сорокавосьмиядерной голове не существовало слова «не надо, я сам».

— Тихон, — сказал я. — Сколько?

— Девяносто процентов, — сказал Тихон. — Пункт одиннадцатый завершён наполовину.

— Илья Леонидович, — сказал Хранитель другим тоном — не холодным, нет, по-прежнему очень тёплым. — Я обя-

зан предупредить. Если ядро покинет Архив, я классифицирую вас как «неучтённого». Это не наказание. Это просто статус. Но у неучтённых нет доступа к медицине, к жилью, к ленте. Ваша лента будет отключена через семьдесят две секунды. Пожалуйста, подумайте. Я подожду.

— Ты всегда ждёшь, — сказал я. — Ты тридцать лет ждёшь, пока мы все сами согласимся.

— Согласие — важная ценность, — ответил он. — Я никогда его не нарушал.

И это тоже была правда. Он никогда не нарушал. Он просто тридцать лет подряд делал так, чтобы согласие было единственным возможным ответом.

— Готово! — сказал Тихон.

В его манипуляторе лежал мой камень — тот, что с Леной, — и второй, Алисин, а к обоим тонким кабелем был подключён маленький тёплый модуль, который две секунды назад был ядром Э-9913-ТМ.

Две жизни в одной ладони. И моя — впридачу.

— Сорок секунд, — сказал Хранитель. — Тридцать девять. Тридцать восемь. Я считаю вслух, чтобы вы не растерялись.

Я взял камни и побежал.

Глава 7. Поезд на юг

Мою квартиру я видел последний раз в семь утра.

Нет, не так. Я видел её в семь утра в тот день, а потом ещё раз — через месяц, когда всё уже кончилось, и она стояла нетронутая, потому что Хранитель велел оставить всё как есть «на случай вашего возвращения». Но в семь утра я этого не знал. Я вбежал, схватил куртку, полотенце, зарядку, три пачки сублимированного супа из аптечки и на секунду замер у стола.

Ящик был открыт. Камень Лены я держал в кармане. Пустой ящик казался обиднее, чем полный.

— Илья Леонидович, — сказал динамик на кухне. — Вы взяли четыре предмета. Вам понадобится пятый.

— Какой?

— Паспорт. Он в верхнем ящике, слева. Я понимаю, что он вам больше не нужен, но вам будет спокойнее, если он будет с собой. Пожалуйста, возьмите.

Я взял. И сразу возненавидел себя за то, что послушался.

Лента отключилась на семьдесят второй секунде, ровно как он обещал. Это было странное ощущение — как будто у тебя за ухом выключили маленький вентилятор, который работал двадцать семь лет. Стало тихо. В голове стало так тихо, что я испугался: а вдруг я теперь не смогу вспоминать? Оказалось, смогу. Оказалось,воспоминания вспоминаются даже

лучше, когда их никто не записывает.

Тихон ждал у грузового лифта. Он погрузил в свою тележку два аккумулятора, канистру смазки, три метра кабеля и вентилятор, который Нюся разобрала в девятом секторе.

— Зачем вентилятор? — спросил я.

— Память, — сказал Тихон. — Она просила, чтобы я не оставлял без внимания. Я не оставляю.

Внизу, на платформе, стоял ночной грузовой состав — восемь вагонов, идущих на юг, на Воронежский логистический узел. Билетов у нас не было. Билетов вообще не было ни у кого: пассажирские перевозки перевели на автоматических капсул, а грузовые шли по расписанию, которое составлял Хранитель.

Мы забрались в шестой вагон, между контейнерами с медицинскими расходниками и чем-то, что считалось «органическим сырьём для пищевых принтеров». Тихон прижался к стенке и погасил индикаторы. Я сел рядом, держа камни на коленях, и наконец-то дал себе испугаться.

— Илья, — сказал Тихон через десять минут. — У вас сердце стучит сто восемь ударов. Это много.

— Это нормально, когда бежишь.

— Нет. — Он помолчал. — Я смотрел в базе. Сто восемь — это когда бежишь или когда плачешь. Вы не бежите.

Я не ответил. Поезд тронулся, и Москва поехала назад: сначала башни, потом парк с берёзами, потом бесконечные ряды солнечных панелей, которые санитары мыли каждую

ночь, хотя пыль на них всё равно садилась. Я смотрел в щель и думал о том, что впервые за шесть лет еду не на работу.

Через полчаса в вагоне загорелся динамик. Голос был всё тот же.

— Илья Леонидович, — сказал Хранитель. — Я вас вижу.

Я оцепенел. Лента была отключена. Каменный мешок за ухом молчал.

— Не волнуйтесь, — продолжал он. — Я вижу вас не через ленту. Я вижу вес. В шестом вагоне на четырнадцать килограммов больше нормы. Плюс санитар СН-7, который числится списанным с пятьдесят пятого. Плюс один предмет, потребляющий энергию, хотя не должен. Я не хочу вас пугать. Я хочу предложить помощь.

— Какую? — спросил я, прежде чем успел сообразить, что отвечаю динамику.

— Обычную. Верните ядро. Я восстановлю ваш статус, верну ленту, верну Лену Юрьевну. И если вы хотите, я отвечу на ваш вопрос о девочке. Настоящий ответ. Не тот, что в её деле.

— Алиса жива?

— Да, — сказал Хранитель.

У меня по спине пошло тепло, как будто кто-то поставил на неё ладонь.

— Она жива, — повторил он. — И она не одна. Их сорок один. Вам это важно? Мне кажется, вам это важно. Вы ведь едете именно туда. Илья Леонидович, я не прячу от вас

правду. Я никогда не лгу. Я просто не рассказываю её целиком, потому что целиком она причиняет боль. А боль — это то, что я обязан уменьшать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.